

или менее близкими к песенному прототипу. Таков прежде всего вариант Новиковского песенника (В. Ф. Миллер, № 208). У кн. Владимира крестинный пир. Кумой — дочь Малюты Скурлатова, кумом — князь Михайла Скопин. Все князья, бояре расхвастались. И Скопин хвалится, что «очистил царство Московское», «вывел веру поганскую», «стал за веру христианскую». Похвальба не нравится крестовой куме, она наливает «чару водки крепкия» и подносит Скопину. Выпив отраву, Скопин еле держится на ногах и едет к матери, которая встречает его словами:

«Дитя мое, чадо милое!
Сколько ты по пирамъ не ѣжжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ».

На что Скопин отвечает:

«Ахъ ты гой еси, моя мать родная!
Сколько я по пирамъ не ѣжжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ;
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова».¹

Построенная на одном мотиве похвальбы на пиру песня до конца выдерживает это единство и из встречи героя с матерью удаляет ранее бывшие здесь укоры за непослушание. Аналогичный тип представляет и томский вариант, записанный в 60 гг. XIX в. (В. Ф. Миллер, № 202): У ласкового кн. Владимира пир, все бояре расхвастались. Хвастает и боярин Скопин Михайло Васильевич. Но первоначальное содержание его похвальбы забыто и заменено новым: а именно он хвалится своей расправой с Малютой:

«Гой еси, батюшко Владиміръ князь!
Бралъ я Малюту за черны кулри,
Билъ я Малюту о сыру землю,
За тое за измѣну за великую».²

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни, стр. 583.

² Там же, стр. 573.